

ПРОРОССИЙСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕРХУШКИ В 80–90-х гг. XVIII в.

Показано усиление внешнеполитической ориентации дагестанских правящих элит на Россию на конце XVIII в., раскрываются причины данного исторического явления. Как показало исследование, для дагестанских владетелей нахождение в союзнических отношениях с Российской империей было гораздо выгоднее, чем с Персией или Турцией. В то же время, привлекая дагестанских владетелей на свою сторону, российские власти укрепляли свои политические позиции в регионе.

Ключевые слова: дагестанские владетели; пророссийская ориентация; политика России; подданство; покровительство.

Поражение Турции в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. ослабило ее влияние на народы Северного Кавказа. Произошел перелом во внешнеполитической ориентации владетелей Дагестана в пользу России, что, естественно, вызвало озабоченность правительств Османской империи и шахского Ирана и активизацию их антироссийской деятельности на Кавказе. Укрепление позиций кубинского и дербентского правителя Фатали-хана, придерживавшегося пророссийской ориентации, также сильно встревожило правительства Персии и Порты. Иранский правитель Керим-хан Зенд был недоволен тем, как азербайджанские земли объединяются под властью Фатали-хана, который шел на сближение с Россией.

Керим-хан стал искать врагов Фатали-хана у него в тылу. Так, в 1777 г. он вышел на уцмю Амир-Гамзу, которому «через гилянского Гедаят-хана прислал «в подарок разного товаров на немалую сумму» [1. С. 240]. Керим-хан просил помощи для организации похода на Грузию, так как Фатали-хан намеревался свергнуть Ираклия II и поставить там царем внука Вахтанга VI Александра Бакаровича, бежавшего в Иран с русской службы. По замыслам Керим-хана, уцмий Амир-Гамза вместе с Гедаят-ханом Гилянским должны были напасть на союзника Фатали-хана – Джавадское ханство на реке Куре – и тем самым открыть иранцам прямой путь в Грузию, оттеснив Фатали-хана на север от Куры и навсегда закрыв ему дорогу к южной части Азербайджана.

Не дожидаясь задержавшегося Амир-Гамзы, в апреле 1778 г. Гедаят-хан захватил Джеват и Сальяны. Не сумев привлечь на свою сторону шамхала Муртузали, собрав трехтысячную конницу, осенью того же года Амир-Гамза опустошил Ардебиль, Карабах и Гянджу, награбил значительные богатства, а затем через Шеки, Ахты и Кюринский округ вернулся обратно.

Между тем в Дагестане происходили новые события, нежелательные для уцмю. За время его отсутствия Фатали-хану удалось склонить на свою сторону его племянника Мухамед-хана, которому он подарил выстроенную в трех фарсажах от Дербента крепость, названную в его честь Хан-Магомед-кала. Примерно в это же время на сторону Фатали-хана перешел Шахмардан-бек – старший сын Мухаммед-хана Казикумухского от его первой жены. В знак признательности Фатали-хан передал ему Гюнейский магал, входивший раньше в Кубинское ханство, и относившиеся к Дербентскому ханству магалы Кабирский и Кутуркюринский. Опираясь на них, Шахмардан-бек сам

присоединил Курахский магал, вследствие чего образовалось «буферное» Кюринское ханство.

Таким образом, самым влиятельным политическим лидером в регионе оставался Фатали-хан. В 1782 г. в его дворце в Дербенте оказался и Александр Бакарович, которого Фатали-хан выдвигал на роль грузинского царя вместо Ираклия II. Через год, в феврале 1783 г. в дербентской резиденции Фатали-хана состоялось совещание с участием дагестанских владетелей: шамхала Муртузали, уцмю Амир-Гамзы, Али-Султана Дженгутаевского и других, на котором было принято решение готовиться к совместному походу против Ираклия.

Все же не было единства среди дагестанских владетелей относительно грузинского вопроса. Уцмю удалось вовремя уловить политические предпочтения России; вскоре 27 июня 1783 г. он отправляет письмо командующему войсками на Кавказской линии П.С. Потемкину, в котором сообщает, что не желает участвовать в авантюре Александра Бакаровича, обвиняя во всем «дагестанский народ», который хочет напасть на Грузию, и обещая воспрепятствовать этому. Далее он пишет, что и прежде мешал осуществлению затеи грузинского царевича Александра (очевидно, речь идет о событиях 1778 г.), теперь он советует российским властям вывести Александра Бакаровича из Дербента и заверяет о верности российским властям вместе со своими четырьмя сыновьями и его подчиненными [2. С. 178–179].

Планам дагестанских владельцев не суждено было сбыться, поскольку российское правительство готовилось к заключению Георгиевского трактата с Ираклием II о союзе между Россией и Грузией и принятии ее под российское покровительство. Присоединение в 1783 г. Крыма к России, закрывшего главный канал османо-крымской агрессии против народов Кавказа, ускорило подписание Георгиевского трактата 26 июля 1783 г. [3. С. 60].

Вскоре главные владетели Восточного Кавказа, в числе которых были Фатали-хан, шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, хан Казикумухский, Умма-хан Аварский, Баммат Бойнакский, были официально извещены российскими властями о присоединении Крыма и Кубани к России и о принятии Грузии в подданство России. Данные исторические события сильно повлияли на внешнеполитические позиции дагестанской верхушки. «Можно себе представить, – пишет Р.М. Магомедов, – какое сильное впечатление произвели в дагестанской феодальной среде вести о

том, что Грузия вышла из-под власти Ирана и включена в сферу России, ведь это означало как бы “полуохват” Дагестана с севера и запада российскими владениями (не говоря уж о том, что и на Каспии, вдоль восточного предела Дагестана, господствовала русская военная флотилия)» [1. С. 244].

Почувствовав мощную силу России, как только стало известно о подписании Георгиевского трактата, владельцы Дагестана наперебой засвидетельствовали свою верность России. Тарковский шамхал Муртузали, желая видеть себя в числе подданных России, писал: «Расположась с искренностью моею на преданность выс. всероссийскому престолу, подношу мое прошение относительно принятия меня во всемогущее е.в. покровительство и подданство, и о присоединении меня и с народом к прочим российским верно-подданным...» [2. С. 183]. Умма-хан Аварский также заверял П.С. Потемкина о своем желании верно служить России: «...нашей и всего народа великой государыни сердечно желаю душою и телом служить и оказать услуги» [Там же. С. 180]. Не менее эмоционально свою верность российскому престолу выражали андийцы: «Мы, андийские старшины и народ, обещаем и клянемся перед самим всемогущим богом и пророком Магомедом в том, что, будучи издревле верными российскому престолу, покоряясь высокой воле всепресветлейшей державнейшей великой государыне нашей имп. Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, возобновляем нашу присягу, почитая себя счастлием, что удостоены мы в число верноподданных сынов ее высокому престолу» [Там же. С. 184–185]. Аналогичные по содержанию письма российское кавказское командование получало и от других дагестанских владельцев [4. С. 136].

Активизация российско-дагестанских политических связей вызвало очередное недовольство Стамбула, решившего принять ответные меры. Так, весной 1785 г. султан направил Умма-хану аварскому «жалованье» в 500 пиастров и обещал ему при вступлении в Грузию «удовольствовать войска его провиантом и фуражом на четыре месяца» [5. С. 383]. Стало очевидным, что Турция готовилась к новой войне ради достижения своих реваншистских целей. Активная работа в этом направлении проводилась путем идеологической обработки горских масс, призывая к «священной войне» против «неверных». Большое число турецких агентов засылалось в Дагестан, Чечню, Кабарду и другие части Северо-Восточного Кавказа, обещая горцам, поступившим на службу к османам, по 50 рублей. Все они должны были в политических интересах Порты «долгом веры» вызывать ненависть к русским, поднимать горцев на защиту ислама от посягательств «неверных» [6. С. 450].

В этом плане Турция большие надежды возлагала на начавшееся в Чечне восстание под руководством шейха Мансура (Ушурма) [7. С. 386]. Отношение к движению дагестанского общества было неоднозначным. Если эндириевский владелец Чопалов и дженгутаевский правитель Ахмед-хан примкнули к восстанию под руководством Ушурмы, то такие видные дагестанские деятели, как шамхал Тарковский, ханы Аварии и Казикумуха не только не присоединились к

этому движению, но и ответили категорическим отказом. «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, – отвечал Ушурме Умма-хан Аварский, – чтобы подобно населению подчиненных тебе чеченских районов и отсюда народы пошли... сражаться с русскими... Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником» [5. С. 396]. Такие же отказы Ушурме выразили тарковский шамхал Баммат, казикумухский хан Магомед, табасаранский кадий Руستم и др.

Об отказе шейху Мансуру дагестанских владельцев стало известно в Петербурге, что вызвало удовлетворение российских властей. «О собрании лже-пророка разведано..., – доносил в Петербург в 1786 г. П.С. Потемкин. – Кроме чеченцев, никого нет». Даже когда распространились слухи о скорой помощи Дагестана Ушурме, объявившем себя пророком, Потемкин категорически заключил: «Это невероятно и не видно, чтобы народы к нему стекались». Просьбы о помощи в Дагестане «во всех местах находят отказ» [Там же]. В скором времени даже приткнувшиеся к движению Ушурмы андеевцы в письме от 4 августа 1786 г. на имя П.С. Потемкина раскаиваются и официально заявляют о том, что «отошли от Ушурмы и (желают. – *Ф.О.*) быть по-прежнему верными Е.И.В. рабами» [2. С. 196]. Не менее пронизательным оказался уймый Амир-Гамза, в марте 1786 г. отправивший к П.С. Потемкину посланника с заверением, что не стоит беспокоиться по поводу уцмья с шейхом Мансуром и его сторонниками [1. С. 246].

Отвергая предложения шейха Мансура о покровительстве Порты, политические деятели Дагестана активно обращались с просьбой о подданстве России. В 1784 г. официально оформить свое вхождение в состав России решило шамхальство Тарковское, но оно было отсрочено в связи с кончиной шамхала Муртузали. Его преемник Баммат Бойнакский, охотно продолжая курс Муртузали и видя политический перелом на Кавказе в пользу России, особенно с 1783 г., продолжил переговоры с российскими властями. В марте 1786 г. шамхал Баммат заявляет о своей готовности возобновить присягу на подданство России [2. С. 189–190].

Со своей стороны российские власти проявляют к шамхалу повышенный интерес, в преддверии Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. имперское правительство явно стремилось теснее привязать к себе шамхальство. Все эти обстоятельства привели к тому, что в 1786 г. в Тарках в присутствии народа и представителя кавказской администрации поручика Филатова шамхал Баммат принял обязательство и дал присягу на верность и подданство России [2. С. 195].

В течение 1876–1877 гг. присяги о подданстве России возобновили почти все дагестанские владельцы: Умма-хан Аварский, казикумухский и кюринский ханы, аксаевский, костековский, эндириевский, табасаранский Рустам-кадий и другие владельцы. Р.М. Магомедов, проанализировав текст присяги шамхала Баммата, пишет, что «теперь мы находим в актах о присяге новые строки: “о принятии нас и преемников наших под верховный покров И.И.В. и в преемников всероссийского имперского престола над

тарковскими и бойнакскими владетелями, шамхальский сане имеющими...», «принять именем нашим и наших преемников е.и.в. и е. имперским престолопреемникам и преемников моих и всех моих областей, признавая на вечные времена выс. покровительство и верховную власть е.и.в. и ее высоких преемников надо мною и моим преемниками шамхалами». Далее отвергалась возможность покровительства шамхалом других государей (хотя еще в XVIII в. была возможна служба «на обе стороны», поскольку Россия и Иран были союзниками). Итак, верховенство России приобретало новое качество, а вассалитет превращался в подданство в самом точном смысле» [1. С. 248].

Усиление влияния России в Дагестане подтолкнуло Порту на крайние действия. С начала 1787 г. она ускорила подготовку войны с Россией, пользуясь активной поддержкой западных держав. Воинственные настроения Турции подогревались представителями Англии, Пруссии и Голландии. Надеясь на их помощь, а также на выступление Швеции и Польши против России, Порты заняла решительную позицию. 27 июля 1787 г. визир вручил российскому послу в Стамбуле Булгакову ультиматум, в котором предлагалось пересмотреть условия Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и Георгиевского трактата 1783 г. Не дождавшись ответа, 24 августа 1787 г. Турция объявила войну России [8. С. 154].

С началом военных действий турецкий султан Селим III обратился к народам Кавказа выступить против России [9]. В другом послании султан сообщил о своих планах направить на Кавказ 60-тысячную османскую армию для оказания помощи в борьбе с Россией и обещал крупное денежное вознаграждение активным участникам «священной войны» с русскими [10]. Как ни странно, призывы султана не нашли поддержки в Дагестане. Более того, фирманы султана владетели Дагестана доставили в подлиннике кавказскому командованию, заверяя имперскую власть в своей верности России. Об этом, основываясь на личных наблюдениях, генерал-майор Горич 3 ноября 1788 г. также доносил князю Потемкину: «...хотя здесь со стороны турков распространяются разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и Дагестан... но горцы сами видят, что то несбыточно... я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и если угодно будет вашей светлости могу собрать войско из них» [Там же].

В апреле 1789 г. руководитель российской внешней политики Г.А. Потемкин писал в Петербург: «Сношение, которое продолжал я с владельцами дагестанскими и прочими внутри самой Персии, весьма способствовало к удержанию их в благомыслии, предохранило Грузию от разорения и произвело даже в правительствах их... полезное...» России, несмотря на все происки османов [8. С. 157]. В сентябре 1789 г. шамхал Тарковский и Ахмед-хан Дербентский объявили российскому командованию о своей верности и готовности служить России.

Специальное заседание Государственного Совета России 11 октября 1789 г. обсудило несколько вопросов о делах на Северном Кавказе: об усилении антироссийской деятельности Турции в Кавказском регионе, о российско-кавказских взаимоотношениях и российской позиции в Дагестане, в том числе и во

прос о желании отдельных дагестанских владетелей перейти в российское подданство. В ходе обсуждения последнего вопроса Государственный Совет отметил, что «аксаевские владельцы с узденями и лезгинские, салатаевские начальники обнаруживают верность свою к нам». Коменданту г. Кизляра российское правительство предписало для улучшения взаимоотношений с народами Дагестана «пропускать их на прежнем основании без всяких пошлин» в Кизляр по торговым делам [2. С. 214–215]. В том же 1789 г. шамхалу Тарковскому как наиболее дружественному России владетелю, российское правительство преподнесло грамоту и ценные подарки, а подданным его было предоставлено право беспошлинной торговли в Кизляре [11. С. 73]. В ноябре 1789 г. командующий Кубанским и Кавказским корпусом И.П. Салтыков уведомил Петербург о прибытии к нему посла от уцмья Кайтага Устар-хана с заверениями в верности России [2. С. 215].

Весной 1791 г. османы еще пытались, как указывает П.Г. Бутков, «возбуждать кавказцев и дагестанцев» против России, «хотя и напрасно» [12. С. 231]. Это объясняется осторожной и тонкой политикой российских властей в регионе. Так, руководитель внешней политики России Г.А. Потемкин предлагал во время российско-османской войны «ласкать» подарками князей Засулакской Кумыкии, шамхала и других дагестанских владетелей [13]. Успехи русских войск на суше под командованием А.В. Суворова и российского флота во главе с Ф.Ф. Ушаковым вынудили султанскую Турцию просить мира. Был подписан Ясский мирный договор 1791 г., подтвердивший условия Кючук-Кайнарджийского договора.

Исходя из соответствующих статей Ясского договора, Екатерина II указом от 28 февраля 1792 г. разрешила принять в российское подданство народы Северного Кавказа. Сделав акцент на необходимости проводить расчетливо продуманную политику в отношении горских народов, в своем указе она призвала «не оружием, а паче правосудием и справедливостью привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями... Со всей серьезностью следить, что ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам» [14. С. 123–124].

Естественно, такая политика имперского правительства находила взаимопонимание у большинства кавказских владетелей и старшин, что подтверждается следующими фактами. В 1791 г. в Петербург прибыла делегация дагестанских правящих элит в составе засулакских князей, шамхала Тарковского, хана Дербентского и других для решения вопроса о подданстве России. 19 апреля 1793 г. командующий войсками на Кавказской линии генерал И.В. Гудович повторно принял присягу от кумыкских князей и шамхала Тарковского с произведением его в чин тайного советника с годовым жалованьем в 6 тысяч рублей. 11 августа того же года дербентский Ших-Али-хан также принял присягу на верность России [2. С. 226]. Переговоры о принятии российского подданства вели и другие дагестанские владетели. Однако имперское правительство, не желая осложнять свое внешнеполитическое

положение, решило повременить с принятием в подданство России тех владений, которые находились на западном и южном побережьях Каспия [6. С. 459].

Однако вскоре ситуация в регионе изменилась. Петербургский двор продолжал придерживаться сдержанного курса, обусловленного, как отмечает Ф.З. Феодаева, «каджарской опасностью» [15. С. 218]. Дело в том, что с начала 80-х гг. в Иране возобновилась борьба за власть, в которой на сей раз основными соперниками стали представитель племени зендов исфаханский Али Мурад-хан и представитель племени каджаров астрабадский Ага Мухаммед-хан [16. С. 214–215]. Пришедший к власти Ага Мухаммед-хан начал строить планы относительно Кавказа. «Безусловная покорность шамхала тарковского и искание покровительства России многими персидскими ханами, – писал Н.Ф. Дубровин, – не нравились Ага Мухаммед-хану, желавшему подчинить их своей власти» [17. С. 16–17].

Российские правящие круги известили иранского правителя о том, что если тот хочет добиться признания его шахом Ирана, то должен отказаться от притязаний на Кавказский регион [12. С. 331]. Этим самым Россия брала под свою защиту и покровительство народы Кавказа. Однако, ободренный успехами внутри Ирана и подталкиваемый западно-европейскими державами, иранский шах вступил во владения Ибрагим-хана Карабахского. В течение короткого времени он осадил крепость Шушу, захватил Карабах, разорил Гянджу и вторгся в Грузию. После взятия Тбилиси шах потребовал от дагестанцев покориться ему [2. С. 242], в противном случае грозил участью, которая выпала грузинам.

Требования шаха Ирана взволновали народы Дагестана. Последние собрались на общий совет и единогласно отклонили требования персидского завоевателя, решили принять все меры для оказания сопротивления и обратились с просьбой о помощи к Рос-

сии [18]. За исключением дербентского правителя Ших-Али-хана, остальные дагестанские владельцы единодушно согласились организовать оборону. Дагестанцы были воодушевлены тем, что в октябре 1795 г. вахмистр Абдулла Садыков был отправлен к ним с письмами И.В. Гудовича для «склонения их к твердому противодействию Ага-Мухаммед-хану» [12. С. 348].

Кроме того, генерал И.В. Гудович послал в Дербент отряд под командованием генерал-майора Савельева. Дагестанским владельцам было предложено собрать ополченцев и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов. 15 апреля 1796 г. В.А. Зубов выступил на юг Дагестана. Дагестанские владельцы присоединились к его отряду [19. С. 144].

Однако дагестанским планам Ага-Мухаммед-хана не суждено было сбыться. В июле 1797 г. он был убит [Там же. С. 147]. Владетели Дагестана были благодарны России за противостояние планам персидского завоевателя захватить Дагестан [2. С. 233–234].

Итак, Россия, выступив в защиту народов Дагестана, спасла их от опустошительного нашествия шаха Ага-Мухаммед-хана. Результаты его похода в Дагестан в несколько раз превосходили бы таковые походы Надир-шаха. Правители Дагестана, осознавая, к каким тяжелым последствиям и разорению может привести поход иранского правителя, оказывали российским войскам практическую помощь и поддержку в их продвижении на юг Дагестана, что в конечном итоге привело к отказу иранского шаха от запланированного похода против дагестанских народов. С уходом иранских войск создалась благоприятная обстановка для присоединения Дагестана к России, тем более что многие феодальные владельцы Дагестана не раз обращались к российскому правительству о принятии их в подданство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. II. 514 с.
2. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. 357 с.
3. Новосельцев А.П. Георгиевский трактат и его историческое значение // История СССР. 1983. № 4. С. 55–67.
4. Магарамов Ш.А. Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI – XVIII в. // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 133–137.
5. История Дагестана. М., 1967. Т. 1. 432 с.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 544 с.
7. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. 528 с.
8. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
9. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 487. Л. 122.
10. АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1789–1796 гг. Д. 485. Л. 88–89.
11. Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. 13. 616 с.
12. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1702 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. 600 с.
13. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 32. Л. 178.
14. АКАК. Тифлис, 1869. Т. 2. 1938 с.
15. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 2008. 300 с.
16. История Ирана. М., 1977. 488 с.
17. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 3. 550 с.
18. ЦГА РД. Ф.150. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–19.
19. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Иран. Баку, 1991. 305 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

PRO-RUSSIAN FOREIGN POLICY POSITIONS OF THE DAGESTAN POLITICAL ELITE IN THE 1780S-1790S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 139–143.

DOI: 10.17223/15617793/423/19

Fakhreddin N. Orudzhev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: sharafutdin@list.ru

Keywords: Dagestan possessors; pro-Russian orientation; policy of Russia; citizenship; protection.

The work aims to study the process of strengthening the foreign policy orientation of the Dagestani political elites in Russia in the late eighteenth century, to uncover the causes of this phenomenon. The basis for achieving this aim was archival documents and other published sources. The study shows that the defeat of Turkey in the Russian-Turkish war of 1768–1774 was the turning point in the foreign political orientation of the rulers of Dagestan in Russia's favor. It is established that the strengthening of Pro-Russian positions of Dagestani rulers was influenced by the accession of the Crimea and Kuban to Russia and the adoption of Georgia into the Russian citizenship. Feeling the powerful force of Russia, once it became known about the signing of the Treaty of Georgievsk, rulers of Dagestan testified their loyalty to Russia. The Shamkhal of Tarki, the Umma-Khan of Avaria, Andian elders and many others declared their desire to be in Russian citizenship. Intensification of Russian-Dagestani political ties resulted in the dissatisfaction of the Sultan. Turkey hopes laid on the uprising that began in Chechnya under the leadership of Sheikh Mansur. However, such prominent Dagestani figures as the Shamkhal of Tarki, the khans of Avaria and KaziKumukh did not join this movement, and replied with a categorical refusal. Russian authorities learned about this refusal of Dagestani rulers and were satisfied with it. Rejecting suggestions of Sheikh Mansur and, accordingly, High Porte patronizing him, the politicians of Dagestan actively sought citizenship of Russia. In 1784, the Shamkhalate of Tarki decided to formalize its accession to Russia. This example was followed by many others. During 1786–1787 almost all of Dagestani rulers resumed oaths of allegiance to Russia: Aksai, Kostek, Enderi lords, the Umma-Khan of Avaria, KaziKumukh and Kyurin khans, qadi Rustam of Tabasaran and other lords. As is known, Turkey, which began to prepare for war with Russia since 1787, using the active support of the Western powers, did not appreciate this. On 24 August 1787, it declared war on Russia. With the beginning of military actions, Selim III appealed to the peoples of the Caucasus to fight against Russia. Oddly enough, the sultan's appeals found no support in Dagestan. Moreover, the rulers of Dagestan delivered the firmans of the sultan in the original to the Caucasian commanders, assuring the Imperial power in its allegiance to Russia. In September 1789, the Shamkhal of Tarki and Ahmed-Khan of Derbent declared their loyalty and willingness to serve Russia to the Russian commanders. As evidenced by the sources, in 1791 a delegation of the Dagestani ruling elite including Zsulak princes, the Shamkhal of Tarki, the Khan of Derbent and others came to Petersburg to address the question of Russian citizenship. In the course of the study the author comes to a conclusion that Russia, repeatedly patronizing the peoples of Dagestan defended them during the threat of invasion by Shah Agha-Mohammad Khan. In turn, the rulers of Dagestan, realizing the serious consequences and ruin the Iranian ruler's campaign could cause, Russian troops provided effective assistance and support, which ultimately led to the Shah's refusal from the expedition against Dagestani peoples. The study showed that the departure of the Iranian army created favorable conditions for the annexation of Dagestan to the Russian Empire.

REFERENCES

1. Magomedov, R.M. (1999) *Darginsy v dagestanskom istoricheskom protsesse* [Dargins in the Dagestani historical process]. Pt. 2. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Gadzhiev, V.G. et al. (eds) (1988) *Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* [Russian-Dagestani relations in the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Novosel'tsev, A.P. (1983) Georgievskiy traktat i ego istoricheskoe znachenie [Georgiev treatise and its historical significance]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 55–67.
4. Magaramov, Sh.A. (2014) Sotrudnichestvo dagestanskoy pravyyashchey elity s Rossiey v XVI – XVIII vv. [Cooperation of the Dagestan ruling elite with Russia in the 16th – 17th centuries]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 133–137.
5. Gadzhiev, V.G. (ed.) (1967) *Istoriya Dagestana* [The history of Dagestan]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Piotrovskiy, B.B. (ed.) (1988) *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times until the end of the eighteenth century]. Moscow: Nauka.
7. Akhmadov, Sh.B. (2002) *Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX veka* [Chechnya and Ingushetia in the eighteenth and early nineteenth centuries]. Groznyy, Elista: APP“Dzhangar”.
8. Gadzhiev, V.G. (1965) *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [The role of Russia in the history of Dagestan]. Moscow: Nauka.
9. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 52. List 1/194. File 487. Page 122. (In Russian).
10. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund *Snosheniya Rossii s Persiey* [Relations of Russia and Persia]. List 77. 1789–1796. File 485. Pages 88–89.
11. Anon. (1889) *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian Collection]. Vol. 13. Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.
12. Butkov, P.G. (1869) *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1702 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1702 to 1803]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
13. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 52. List 1/194. File 32. L. 178.
14. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK). (1869) *Tiflis*. Vol. 2.
15. Feodaeva, F.Z. (2008) *Russko-dagestanskije otnosheniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX vv.* [Russian-Dagestan relations in the second half of the 18th – early 19th centuries]. Makhachkala Moscow: TAUS.
16. Ivanov, M.S. (ed.) (1977) *Istoriya Irana* [History of Iran]. Moscow: Moscow State University.
17. Dubrovin, N.F. (1871) *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [The history of the war and domination of Russians in the Caucasus]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Departamenta udelov.
18. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGA RD). Fund 150. List 1. File 18. Pages 18–19. (In Russian).
19. Bakikhanov, A.-K. (1991) *Gyulistan-i Iram* [Paradise Flower Garden]. Baku: El'm.

Received: 28 June 2017